

Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

Комитет по культуре департамента по делам культуры, молодёжи и спорта
Администрации Тюменской области

Главное управление культуры
Администрации Ханты-Мансийского автономного округа

Комитет по координации научных исследований
Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа

Администрация города Тобольска

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева

Русские старожилы

Материалы III-го Сибирского симпозиума
“Культурное наследие народов Западной Сибири”
(11-13 декабря 2000 г., г. Тобольск)

Тобольск – Омск

М. П. Черная

Томск, государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ*

Изучение археологического наследия русского населения Сибири признано актуальным направлением современной археологической науки [Артемьев 1990; Черная 1993; Молодин, Новиков, 1994; Коников, 1994 и др.]. Пространственный и хронологический диапазон профессиональных раскопок русских памятников в сибирском регионе за последние 55 лет постепенно расширялся; сегодня раскопками охвачены памятники конца XVI — XIX вв. от восточных предгорий Урала до крайнего востока Сибири [Исторический памятник 1951; Белов и др. 1980, 1981; Оборин 1975; Пархимович 1986; Археологические и исторические исследования Верхотурья 1988; Молодин, Добжанский 1978; Семенова 1993; Молодин и др. 1996; Черная 1992; Ширин 1990; Скобелев, Шаповалов 1995; Николаева 1963; Васильевский и др. 1978; Никитин 1961; Алексеев 1996; Русские первопроходцы 1994, 1995, 1998; и др.].

Раскопки русских памятников дали исследователям полноценный самостоятельный массовый источник, отличающийся объективностью, способностью непосредственно отражать историческую действительность, хотя и в ископаемой форме, предельной конкретностью, позволяющей различить детали, установление которых по другим источникам, если и возможно, то в лучшем случае приблизительно (точное определение местонахождения объектов с привязкой их к современной карте, выявление планировки застройки, уточнение горизонтальных размеров построек, конструктивных особенностей сооружений и т.д.), наконец, сбор коллекций из вещей, пусть и археологизированных, но подлинных, служивших для удовлетворения тех или иных нужд людей в прошлом. Вместе с тем, “закодированность” исторической информации в археологическом источнике, его фрагментарность делают необходимым использование всех источников, содержащих нужные сведения о памятнике, факте, событии — письменных, этнографических, картографических, иконографических. Комплексный подход, выражающийся в диалектическом единстве и взаимодействии источников и эффективных методов исследования, весьма плодотворен, поскольку помогает адекватно воспроизвести многомерность исторического явления, процесса.

В ходе археологических исследований были получены серьезные результаты по широкому кругу проблем. Одной из них является локализация дорог и населенных пунктов. Водные и сухопутные сибирские маршруты известны и изучались по письменным источникам [Бахрушин 1955; Вилков 1990], как и размещение поселений. Однако попытки определения точного местонахождения отрезков путей и конкретных опорных пунктов далеко не всегда успешны оттого, что в письменных, да и картографических, источниках содержатся лишь приблизительные топографические ориентиры. На мелкомасштабных картах неточности географических привязок скрадываются, с укрупнением плана следы объектов все более “расплываются”, что относится не только к кратковременным стоянкам, зимовьям, мелким острожкам, но и более значительным населенным пунктам, например, нет ясности в местоположении Кетска и Нарыма [Черная 1996]. Археологические исследования с максимальной конкретностью локализуют объекты в пространстве, что позволяет уточнить ориентировочные письменные данные, а подчас и кардинально изменить сложившиеся на их основе неверные представления. Так было с Кокуй-городком — летописной зимовкой дружины Ермака 1582 г., тщательные упорные поиски которого остались безрезультатными, более того, на р. Кокуе не было обнаружено не только следов зимовки, но вообще ни одной стоянки этого периода, что подтвердило вывод Р. Г. Скрынникова об отсутствии зимовок Ермака на Тагильском волоке. В ходе археологического обследования Тагильского волока выяснилось, что традиционно признанный маршрут дружины Ермака неточен и был найден подлинный путь ее продвижения [Сериков 1989]. Археологическими изысканиями установлено достоверное рас-

* Грант РГНФ, проект № 98-01-00-10

положение отрезка Бабиновской дороги в черте г. Верхотурья, направление которого на городских планах конца XVIII — XIX вв. было искажено и надолго определило ошибочное мнение. Раскопками опровергнуто также неверное представление о размещении острожной стены Верхотурья XVII — начала XVIII вв. и выявлена действительная трасса городского острога [Корчагин 1998: 77–79]. Доказана несостоятельность традиционной точки зрения о местоположении Томска 1604 г., согласно которой город был поставлен на южном мысе Воскресенской горы. В ходе раскопок следов русской застройки первой половины XVII в. здесь не выявлено, культурный слой содержит остатки кремля (городского центра Томска), размещенного на указанной площадке только в 1648 г. [Черная 1999].

Важной проблемой позднесредневековой археологии является изучение памятников русского зодчества. В этой области преимущества археологических данных выражаются в разнообразии представленных типов построек (оборонительных, культовых, гражданских), в степени детализации конструктивных элементов в отличие от условности и схематизма описаний, рисунков, планов XVII–XVIII вв. Даже в такую наиболее изученную историками архитектуры часть русского зодчества, как оборонительная, археология вносит самостоятельный существенный вклад. Сохранившиеся объекты деревянного оборонного зодчества (башни Казымского, Илимского, Братского, Бельского острогов, Якутска), при их несомненной и непреходящей значимости как непосредственных носителей традиций и технических приемов русской крепостной архитектуры, единичны и их число в принципе исчерпано (что делает первоочередной задачу дальнейшего сохранения этих ценнейших памятников). Количество археологических памятников оборонного характера (хотя их число ограничено) в перспективе, в ходе раскопок, будет возрастать и увеличивать разнообразие конструкций оборонительных сооружений, которое отражает действительное многообразие технических способов, применявшихся на практике. За скудным числом терминов, обозначающих тот или иной тип конструкций, кроется богатейший набор вариантов, каждый из которых является реализацией строительного, военно-инженерного опыта и традиций применительно к конкретной ситуации. Это относится даже к простейшему типу оборонительных стен — острогу: в Орле-городке был сделан частокол из нескольких рядов бревен диаметром 10–12 см, высотой 2,5 м с затесанным нижним концом для вбивания в грунт [Оборин 1957: 149]; в Верхотурье — однорядная острожная стена из вкопанных в траншею бревен диаметром 20–23 см, нижние концы которых опирались на уложенные на дно траншеи плахи, изнутри к стоячему острогу примыкали помосты для ведения верхнего боя [Корчагин 1998: 77–78]; в Братском остроге существовало два варианта конструкции острожной стены: 1) стоячий острог высотой 4–6 м с подпорными стенками из двух рядов вертикальных бревен спереди и сзади, 2) одно-двухрядная острожная стена без дополнительных укреплений [Никитин 1961: 218–220].

Разнообразие конструктивных приемов отличает и рубленый тип крепостных стен. Очень любопытна конструкция кремлевских стен Старой Мангазеи, составленной из двух- реже трехчастных городен, т. е. каждая городня представляла собой шести- или пятистенки [Белов и др. 1980: 56–57, табл. XXV]. В графической реконструкции старомангазейских стен, выполненной архитектором Н. П. Крадиным, не учтена их отличительная особенность, выявленная с помощью археологии, в его варианте стена составлена из отдельных четырехстенных срубов [1988: 91–102]. Возможно, кремлевские стены Старой Мангазеи являются примером переходного или комплексного типа стеновой конструкции, сочетавшей технику городен, когда отдельные звенья-срубы не соединялись, а приставлялись друг к другу, и тарасную технику в виде двойной стены с перерубами и жестким сочленением звеньев-клетей.¹ Устройство стены из срубов шестистенков (или тройных клетей), каждый из которых оставался самостоятельным стеновым звеном, в какой-то степени компенсировало очевидный недостаток техники городен, при которой срубы в местах стыков загнивали, давали разную осадку и ломали общую линию стены.

Новаторским по конструктивному замыслу являлось устройство тарасной стены Томского кремля 1648 года. Нижние венцы срубов закладывались в вырытые в материке траншеи, таким образом подземная часть стены служила обрубом, укреплявшим откосы горы, и одновременно фундаментом наземной части стены [Черная 1997: 2000].

Своеобразие и сложность архитектурно-археологических объектов ставит археологов перед необходимостью иметь дополнительные знания в области истории зодчества, строительной

¹ Здесь автор не вдаётся в разбор терминов “городни” и “тарасы”, содержание которых изменялось, важно то, что существовали различные конструкции рубленых стен.

техники с тем, чтобы верно определить конструктивные особенности археологизированного сооружения, восполнить утраченные части и элементы, восстановить его первоначальный облик. Основой профессиональной работы с ископаемыми архитектурными памятниками является комплексная методика их изучения, когда решается двуединая задача: раскопать и реконструировать, поэтому “совершенно ясно, что археолог, работающий над поисками, раскрытием и реконструкцией остатков древних монументальных зданий, имеет все права и обязанности историка зодчества в полном объеме” [Воронин 1954: 75].

Сказанное не означает, что на каком-то этапе исследований к работе не могут быть привлечены архитекторы, конструкторы, инженеры. Подобного рода сотрудничество может быть успешным при условии наличия у привлекаемых специалистов опыта работы на археологических объектах и необходимого уровня познаний в этой области, а также, учитывая сугубую специфичность архитектурно-археологических памятников, при сохранении ведущей роли археолога.

Актуальной задачей современной археологии является реконструкция археологических памятников с целью музеефикации как формы сохранения и использования культурного наследия прошлого. Сегодня уже есть примеры, хотя и немногочисленные, музеефицированных археологических объектов: музей-заповедник на Андреевском озере (около Тюмени), музей-заповедник “Томская писаница” и экомузей “Тазгол” (в Кемеровской области) и др. [Мартынов 1995: 15–17; Кимеев 1997: 69–71]. Высказано предложение о восстановлении Саянского острога и превращении его в музей под открытым небом [Скобелев 1989: 169–170], выполнена научно-практическая разработка по воссозданию в натуральную величину фрагмента укреплений Томского кремля середины XVII–XVIII вв. [Черная 1998: 150–156].

Работа по реконструкции и музеефикации археологических памятников имеет для общества огромную значимость, поскольку восстанавливается определенная часть казалось бы навсегда утраченного прошлого, что способствует формированию и обогащению исторического сознания.

Алексеев А. Н. 1996. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск.

Артемьев А. Р. 1990. Памятники истории освоения русскими Дальнего Востока: проблемы археологического изучения // Вестник ДВО АН СССР. Вып. 4 (37). Владивосток.

Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. 1998. Екатеринбург.

Бахрушин С. В. 1955. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. 1980, 1981. Мангазея. Ч. 1, 2. Л.

Васильевский Р. С., Молодин В. И., Седякина Е. Ф. 1978. Исследования Илимского острога // Древние курганы Приангарья. Новосибирск.

Вилков О. Н. 1990. Очерк социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII вв. Новосибирск.

Воронин Н. Н. 1954. Архитектурный памятник как исторический источник // СА. Вып. XIX.

Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. 1951. Л.

Кимеев В. М. 1997. Опыт реконструкции этноархеологических памятников экомузея “Тазгол” // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск–Уфа.

Коников Б. А. 1994. О перспективах и задачах русской археологии в Среднем Прииртышье // Русский вопрос: история и современность. Материалы докладов II Всероссийской научной конференции. Ч. 2. Омск.

Корчагин П. А. 1998. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург.

Крадин Н. П. 1988. Русское деревянное оборонное зодчество. М.

Мартынов А. И. 1995. О реконструкциях в археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы III Всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С. И. Руденко. Ч. 1. Омск.

Молодин В. И., Бородовский А. П., Троицкая Т. Н. 1996. Археологические памятники Колыванс-

- кого района Новосибирской области. Новосибирск.
- Молодин В. И., Добжанский В. Н. 1978. Археологические исследования Хазымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Молодин В. И., Новиков А. В. 1994. Перспективы археологического изучения памятников русского освоения Сибири // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Т. 1. Владивосток.
- Никитин А. В. 1961. Братский острог // СА. № 2.
- Николаева И. Б. 1963. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск.
- Оборин В. А. 1957. Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI–XVII вв.) // Учен. зап. ПГУ. Т. 10. Вып. 3.
- Оборин В. А. 1975. Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
- Пархимович С. Г. 1986. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск.
- Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XVIII вв. Историко-археологические исследования. 1994, 1995, 1998. Т. 1, 2, 3. Владивосток.
- Суриков Ю. Б. 1989. Некоторые проблемы изучения сибирского похода Ермака (по материалам археологических раскопок) // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск.
- Семенова В. И. 1993. Тюмень — первый русский город в Сибири, памятник истории и культуры // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Ч. 2. СПб.
- Скобелев С. Г. 1989. Раскопки Саянского острога в целях создания музея под открытым небом // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск.
- Скобелев С. Г., Шаповалов А. В. 1995. Оборонительные сооружения Саянского острога // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово.
- Черная М. П. 1992. Томская крепость XVIII в. по археологическим источникам // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск.
- Черная М. П. 1993. Проблемы сибирского археологического городоведения // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Ч. 2. СПб.
- Черная М. П. 1996. Нарымский острог // Земля Парабельская (К 400-летию Нарыма), Томск.
- Черная М. П. 1998. Оборонительные сооружения Томска середины XVII в. как элемент системы жизнеобеспечения средневекового и современного города // Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции “Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика”. Томск.
- Черная М. П. 1999. Проблема преемственности в расположении Томского города середины XVII в. // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск.
- Черная М. П. 1997. Реконструкция оборонительных стен Томского кремля середины XVII в. // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.
- Черная М. П. 2000. Томский кремль середины XVII–XVIII вв. в оборонительной системе Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток—Омск.
- Ширин Ю. В. 1990. Археологическое изучение Кузнецкого острога // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Кемерово.